

*Памяти моих родителей,
моей сестре Элизабет Жиль,
моим детям, внукам и их потомкам,
всем прошлым и нынешним жертвам
человеческой нетерпимости.*

Дениза Эпштейн*

---

* Дениза Эпштейн — дочь Ирен Немировски, сохранившая и расшифровавшая рукопись матери, погибшей в Освенциме в 1942 году.

ИЮНЬСКАЯ
ГРОЗА

1

Война

«Как жарко», — думали парижане. В теплом воздухе еще пахло весной. В Париже ночью в начале войны раздался сигнал воздушной тревоги. Близился рассвет, бои шли далеко. Первыми сирену слышали те, кто не спал: больные, прикованные к постели, матери, чьи сыновья ушли на фронт, влюбленные женщины с покрасневшими от слез глазами. Сначала даже не сирену, а низкий звук, похожий на тяжкий вздох. Пространство не сразу наполнилось оглушительным воем. Казалось, выло где-то далеко, за горизонтом, и вой нарастал постепенно. Мужчины видели во сне, как морские волны перекатывают гальку, как шумит на ветру весенний лес, как быки на бегу взрывают землю тяжелыми копытами, но сон, наконец, отступал, и они бормотали, с трудом открывая глаза:

— А?! Что?! Тревога?

Женщины, более впечатлительные и нервные, к тому времени уже встали. Некоторые из них, задвинув ставни и закрыв окна, легли вновь. Накануне, в понедельник, третьего июня, впервые с начала войны на окрестности Парижа были сброшены бомбы, но жители оставались спокойными. Хотя новости приходили плохие. Им не верили. Как не поверили бы известию о победе. «Что творится, не пой-

мешь!» — говорили все. Детей одевали при свете карманного фонарика. Матери поднимали одно за другим горячие отяжелевшие со сна тельца: «Ну-ну, не бойся, не плачь». Это воздушная тревога. Свет везде погасили, но в золотистой прозрачной июньской мгле все равно можно было различить каждую улицу, каждый дом. Сена улавливала все разрозненные отблески, стократно умножая их, словно многогранное зеркало. Поблескивали оконные стекла, без пользы завешенные изнутри, поблескивали крыши, по которым пробегали легкие тени, блестела каждая дверная петля, каждый засов, почему-то долго не гасли какие-то красные огоньки — Сена отбрасывала блики и вбирала их, они плясали на водной поверхности. Наверное, сверху Сена казалась белой, как молочная река. Многие думали, что она направляет удары вражеских самолетов. Некоторые утверждали, что этого не может быть. На самом деле, никто ничего не знал. «Не буду вставать, — бормотали сонные голоса, — я их не боюсь». Но разумные люди отвечали: «Бойся не бойся, убьет, и все». Сквозь остекленный верх лестниц черного хода в новых домах было видно, как спускаются огоньки, — один, второй, третий: обитатели седьмых этажей сбегали вниз, освещая путь фонариками, вопреки запрету. «Да я тут ноги переломаю. Поторопись, Эмиль!» Все невольно говорили шепотом, словно враги повсюду подслушивали и подсматривали. Одна за другой захлопывались двери. В рабочих кварталах народ во множестве скапливался в метро, в убежищах, дышал спертым воздухом; богатые пережидали налет, не выходя из дому, внизу у консьержки, прислушивались, где раздастся удар и взрыв, куда упадет бомба, настороженно вытянув шеи, будто испуганные звери в лесу, когда на них надвигается тьма охоты. Не то чтобы бедные были малодушнее богатых, и жизнью

они дорожили не больше, просто у них сильнее развито чувство локтя, они нуждаются друг в друге, любят плакать и смеяться сообща. Наступил рассвет; серебристая, бледно-голубая дымка окутывала мостовые, парапеты набережной, собор Парижской Богоматери. Самые ценные архитектурные сооружения были до половины закрыты мешками с песком, за мешками спрятались танцовщицы Карпо на фасаде Оперы, мешки заглушали крик Марсельезы на Триумфальной арке.

Взрывы слышались сначала вдалеке, потом все ближе, от них зазвенели стекла. В душных комнатах с законопаченными окнами, куда не проникал луч солнца, рождались дети; прислушиваясь к плачу новорожденного, женщины забывали о воздушном налете, забывали о войне. Умиравшим взрывы бомб казались отдаленными, незначительными отзвуками и сливались со смутным зловещим гулом, что морской волной накрывает человека в агонии. Прижавшись к теплому боку матери, мирно посапывали младенцы, сладко причмокивая во сне, как сосущие ягнята. Сигнал воздушной тревоги распугал зеленщиц, и они бросили на улице свои тележки, нагруженные свежими цветами.

В чистом, без единого облачка небе всходило красное солнце. Бомба упала так близко от Парижа, что со всех домов вспорхнули птицы. Самые большие, до этих пор невиданные хищники парили в вышине, их черные крылья на рассвете отливали холодным розовым блеском. Ниже, воркуя, кружили жирные красавцы голуби, мелькали ласточки, воробышки беззаботно скакали по безлюдным тротуарам. По берегам Сены на каждом тополе сидели стайки невзрачных птах и щебетали вовсю. Наконец люди под землей услышали далекий, приглушенный расстоянием гром, словно три удара фанфар. Прозвучал отбой.

Вечерние новости по радио Периканы выслушали в скорбном молчании, не решаясь их обсуждать. Периканы были уважаемым благонамеренным семейством; их традиции, убеждения, многие поколения предков — почтенных буржуа и правоверных католиков, — наконец, близкое свойство с церковью (старший сын, Филипп, стал священником), словом, все заставляло следить за действиями правительства республиканцев с недоверием. С другой стороны, привилегированное положение господина Перикана, хранителя одного из национальных музеев, обязывало к лояльности по отношению к существующему строю, щедро оделявшему своих верных слуг почестями и наградами.

Кот осторожно держал между острых зубов кусочек костистой рыбы: страшно проглотить и жаль выплюнуть.

В конце концов, Шарлотта Перикан пришла к выводу, что только ясный мужской ум способен дать верную оценку столь необычным и значительным событиям. Но в данную минуту ее муж и старший сын отсутствовали. Первый ужинал у друзей, второго не было в Париже. Мадам Перикан железной рукой правила повседневностью, будь то хозяйство, воспитание детей или продвижение мужа по службе, и в обыденной жизни не считалась ни с чьим мнением, но тут дело другое. Авторитетное лицо должно было изначально внушить ей правильный взгляд. Встав раз и навсегда на верные рельсы, она мчалась на всех парах и сметала любые препятствия. Если ей предъявляли неоспоримые доказательства того, что ее точка зрения ошибочна, она возражала с холодной улыбкой превосходства: «Так мне сказал отец. Мой муж знает лучше». И взмахом руки в перчатке отметала все возражения.

Она гордилась положением мужа в обществе (самой ей нравилось уединение, но, что поделаешь, подражая кроткому Спасителю нашему, каждый должен в земной юдоли нести свой крест!). Посреди нескончаемых визитов она забежала домой, чтобы проверить, как старшие дети приготовили уроки, как нянька накормила малыша, как слуги выполнили ее приказания, но так спешила, что не успевала даже переменить боевое снаряжение. Насколько помнили юные Периканы, мать всегда оставалась в шляпке и белых перчатках, неизменно готовая к выходу. (Белейшие перчатки слегка припахивали бензином, поскольку бережливая мадам Перикан отдавала их в чистку.)

В тот вечер она только что вернулась домой и слушала новости, стоя в гостиной перед радиоприемником. На ней было черное платье, миниатюрная шляпка — прелестная шляпка, последний писк моды, с тремя цветочками и шелковым помпоном, торчащим надо лбом. На бледном встревоженном лице под помпоном резче обозначились возраст и усталость. Она прожила сорок семь лет и растила пятых детей. Бог явно судил ей быть рыжей. Кожа, хотя с годами и подернулась морщинками, была удивительно тонкой и нежной. Веснушки усеивали величественный внушительный нос. Глаза с колючим кошачьим взглядом отливали зеленью. Но видимо, в последнюю минуту Всевышний спохватился, что огненная шевелюра не пойдет безупречной добродетельной даме с весом в обществе, и потому наградил ее тусклыми темными волосами, что выпадали прядями после рождения младшего ребенка. Господин Перикан, человек строгих правил, следуя христианской морали, избегал греховных желаний, как избегал сомнительных мест, заботясь о своей репутации. Так что мадам Перикан помимо пяти вполне благополучных родов пережила еще три «несчастливых слу-

чая», по ее стыдливому выражению, когда почти доношенные младенцы не выживали и едва не сводили в могилу мать; в настоящее время старший сын, аббат Филипп, был совсем взрослым, а младшему едва исполнилось два года.

Радио говорило в просторной уютной гостиной, выходявшей всеми четырьмя окнами на бульвар Делессер. Старинная мебель, глубокие кресла, канапе, обитые золотистой тканью. В инвалидном кресле у балконной двери сидел расслабленный господин Перикан-старший, впавший в детство по причине преклонного возраста. Здравый рассудок возвращался к нему лишь в тех случаях, когда заговаривали о его богатстве, кстати весьма значительном (Перикан-Мальтет, он наследовал знаменитым Мальтетам из Лиона). Война и прочие превратности жизни больше для него не существовали. Он равнодушно слушал новости, покачивая в такт аккуратной серебряной бородкой. Позади почтенной матери семейства полукругом стояли дети, присутствовал даже самый младший, которого принесла няня, чтобы все попрощались с ним перед сном. У няни ушли на фронт три сына, и она, стоя с малышом на руках в гостиной, куда ее обычно не допускали, с напряженным вниманием ловила каждое слово диктора.

Мадам Перикан догадывалась, что за приоткрытой дверью толпятся и все остальные слуги. Горничная Мадлен, охваченная тревогой, так забылась, что подошла к самому порогу, и подобное нарушение приличий показалось мадам Перикан дурным предзнаменованием. Пассажиры всех классов выбегают на верхнюю палубу при кораблекрушении. «Какая распущенность», — думала мадам с неодобрением. У простых людей совсем нет выдержки. Принадлежа к буржуазии, она ладила с простонародьем. «Они довольно добродушны, если уметь к ним подойти», —

говорила она снисходительно и печально, будто речь шла о диких зверях в клетке. Она гордилась, что у нее в доме по многу лет служат одни и те же люди. Она даже сама ухаживала за слугами, когда они заболели. Если у Мадлен болело горло, мадам Перикан своими руками готовила ей полоскание. Готовила ночью, придя из театра, поскольку все остальное время была занята. Однако внезапно разбуженная Мадлен встать не спешила и, по мнению мадам Перикан, недостаточно горячо выражала ей признательность. Таков народ, ему не угодить, чем больше с ним возишься, тем больше он капризничает, ничего, кроме черной неблагодарности, от него не дождешься. Мадам Перикан уповала лишь на воздаяние в будущей жизни.

Обернувшись, она бросила в полумрак прихожей невероятно великодушное приглашение:

— Если хотите, можете тоже послушать новости.

— Благодарим, мадам, — почтительно отозвались слуги и бочком на цыпочках пробрались в гостиную.

Сначала Мадлен, за ней Мари, потом камердинер Огюст; последней вошла кухарка, стыдясь своих рук, пахнувших рыбой. Впрочем, новости уже кончились. Теперь ведущий комментировал сложившуюся ситуацию и убеждал, что «она достаточно напряженная, но не внушает серьезных опасений». Он говорил так складно, спокойно, доверительно, с таким подъемом произносил всякий раз: «Франция», «Родина», «вооруженные силы», — что душа преисполнялась бодрости. Краткий обзор событий он преподносил с удивительным искусством. Например: «Враг по-прежнему ожесточенно атакует наши позиции, но французская армия решительно и упорно отражает его натиск». Первую часть сообщения он читал с иронией, небрежным презрительным тоном, как бы говоря: «Во всяком случае, немцы пытаются нас в этом

убедить». Зато вторую, наоборот, произносил отчетливо, выговаривая каждый слог, и настолько уверенно отчеканивал слова «французская армия», «решительно и упорно», что каждый невольно удивлялся: «С чего это мы переполошились?»

Мадам Перикан заметила устремленные на нее с надеждой вопрошающие взгляды и убежденно произнесла:

— Мне кажется, еще не все потеряно!

Возможно, она сама не слишком верила в свои слова, но считала своим долгом поддерживать в других присутствие духа.

— Вы так считаете, мадам? — проговорили кухарка и горничная с тяжелым вздохом.

Юбер, средний сын Периканов, юноша восемнадцати лет, пухлый и розовощекий, один из всех не скрывал растерянности и отчаяния. Он судорожно тер шею скрученным в комок платком и выкрикивал то визгливо, то хрипло:

— Не может быть! Нет, этого не может быть! Мама, чего они ждут, почему не призывают в армию всех мужчин? Немедленно, всех от семнадцати до шестидесяти! Ведь так они должны поступить, правда, мама?

Он сбегал в классную комнату за огромной географической картой, разложил ее на столе и принялся лихорадочно вычислять, насколько продвинулся враг.

— Поверьте, мама, мы пропадем, если не...

Внезапно он просиял.

— Наконец-то я понял, в чем дело, — объявил он с широкой улыбкой, блаженной и белозубой. — Все ясно, их заманивают, а потом окружают вот здесь и здесь, постойте, мама, взгляните! Или же...

— Да-да, — отозвалась мать. — Вымой руки и причешись, а то волосы лезут тебе в глаза. Посмотри, на кого ты похож!